

сверкали из-под седых бровей. — И обратясь ко мне, сказал: «Теперь пора!»

Он отпер двери. Огонь ворвался и взвился по бревнам, законопаченным сухим мохом. Батюшка выстрелил из пистолета, шагнул за пылающий порог и закричал: «Все за мною». Я взял за руки матушку и Марью Ивановну и быстро вывел их на воздух. У порога лежал Швабрин, простреленный дряхлою рукою отца моего; толпа разбойников, бежавшая от неожиданной нашей вылазки, тотчас ободрилась и начала нас окружать. Я успел нанести еще несколько ударов, но кирпич, удачно брошенный, угодил мне прямо в грудь. Я упал и на минуту лишился чувств. Пришед в себя, увидел я Швабрина, сидевшего на окровавленной траве, и перед ним все наше семейство.

Меня поддерживали под руки. Толпа крестьян, казаков и башкирцев окружала нас. Швабрин был ужасно бледен. Одной рукой прижимал он раненый бок. Лицо его изображало мучение и злобу. Он медленно поднял голову, взглянул на меня и произнес слабым и невнятным голосом: «Вешать его... и всех... кроме нее...»

Толпа тотчас окружила нас и потащила к воротам. Но вдруг они нас оставили и разбежались: в ворота въехал Зурин и за ним целый эскадрон с саблями наголо.

Бунтовщики утекали во все стороны. Гусары их преследовали, рубили и хватали в плен. Зурин соскочил с лошади, поклонился батюшке и матушке и крепко пожал мне руку. «Кстати же я подоспел,» сказал он нам: А! вот и твоя невеста.» Марья Ивановна покраснела по-уши. Батюшка к нему подошел и благодарил его с видом спокойным, хотя и тронутым. Матушка обнимала его, называя анге-